

важнейшим пособием в нотариальном деле и в XVI, и даже в начале XVII в.²⁹

Более того, и в наши дни этот труд не потерял своего значения: он помогает исследователю правильно понимать средневековые документы и их структуру.

В. В. САМАРКИН

О ГОРОДСКИХ СТАТУТАХ И СТАТУТНОМ ПРАВЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИТАЛИИ

За последние годы в западноевропейской историографии средневековой Италии произошли значительные сдвиги: усилился интерес к проблемам экономической и социальной истории, появились новые имена и вышли многочисленные исследования, серьезно углубляющие наши представления об этой сложной эпохе. Особенностью многих работ является то, что в их основу положены источники, которым ранее исследователи не уделяли большого внимания: это описи городского палогообложения (работы Э. Конти и Э. Фьюми по Флоренции,¹ Б. Казини о Пизе,² М. Лечче и А. Тальяферри о Вероне,³ Д. Де Дзенаро о Мольфетте,⁴ К. Ротелли о Кьери⁵ и др.), нотариальные книги — *atti notarili* (работа Д. Барбиери о милапской экономике⁶). Чрезвычайно интересно и во многом необычно исследование Э. Серени, основанное на анализе памятников изобразительного искусства.⁷

Очевидно, в основе такого явления лежит естественный процесс расширения источниковедческого фундамента современной исторической науки. Вместе с тем это «обновление» арсенала источников сочетается с некоторым уменьшением внимания к традиционным типам документов, служившим базой для работ историков конца XIX—начала XX в.; среди них одно из первых мест принадлежало коммунальным статутам — наиболее распространенному типу законодательных памятников в Италии XIII—XV вв.

²⁹ В 1627 г. «Сумма» была переведена на итальянский язык в Пьемонте.

¹ E. Conti. La formazione della struttura agraria moderna nel contado fiorentino. Vol. I. Le Campagne nell'eta precomunale. Roma, 1965; vol. III, p. 1. I catasti agrari della Repubblica fiorentina. Roma, 1966; vol. III, p. II. Monografie e tavole statistiche. Roma, 1965; E. Fiumi. Storia economica e sociale di S. Giomignano. Firenze, 1961.

² B. Casini. Il catasto di Pisa del 1428—1429. Pisa, 1964.

³ M. Lescce. Gli antichi estimi veronesi e condizioni economiche-sociali di Verona a meta'del sec. XVI. Verona, 1953.

⁴ Gius. de Gennaris. Il «Liber Apprezii» di Molfetta dei primi del Quattrocento. Bari, 1963.

⁵ C. Rotelli. Economia agraria di Chieri attraverso i catasti dei secoli XIV—XVI. Milano, 1967.

⁶ G. Barbieri. Origine del capitalismo Lombardo. Milano, 1961.

⁷ E. Sereni. Storia del paesaggio agrario italiano. Bari, 1965.

Изменение роли и значения городских статуты как исторического источника не является случайным. Уже сама их природа как законодательных актов определяет известную их ограниченность. Однако итальянские коммунальные статуты и статутное право в целом обладают, кроме того, рядом особенностей, которые заставляют историка обращаться с ними с еще большей осторожностью. В связи с этим на современном этапе исторического исследования возникает необходимость более четко определить наше отношение к городским статутам как типу источников по социально-экономической истории Италии XIII—XIV вв. Такая попытка предлагается ниже. В основу ее положен анализ содержания и особенностей статуты и городского (статутного) права и того места, которое они занимали в правовой жизни средневековой Италии.

Италию, как и большинство европейских стран, характеризует чрезвычайно пестрая и запутанная картина средневекового законодательства. На ее территории в разных местах в различных комбинациях действовали нормы и установления римского, канонического, имперского, феодального, обычного и других типов права, а также разнообразные виды местного законодательства: статуты, указы и постановления монархов, устные обычаи и т. д. Все это многообразие законодательства, как правило, группируется в два основных типа права — общее и местное. Общее право, действовавшее на всей территории страны применительно ко всем категориям населения, основывалось на нормах римского, канонического, имперского и лангобардского права. В основе его лежали установления первых двух универсальных видов законодательства (канонического и римского), охватывающие все сферы материальной и духовной жизни общества; однако в некоторых местах основу общего права составляли и другие юридические нормы. Так, в южных областях Италии лангобардское право было признано Анжуйской династией общим и обязательным для всех жителей, и еще во второй половине XVI в. в некоторых местах Неаполитанского королевства бытовали лангобардские обычаи. Особо сильно было их влияние на семейные отношения. Так, например, супружеские пары в Бари жили по лангобардскому праву вплоть до начала XIX в. Известное значение сохранили обычаи лангобардов и в областях северной и средней Италии; здесь до начала XIV в. нотариальные записи пестрели такими характеристиками клиентов — *lege vivere langobardorum*, *lege vivere salicum* и т. д., а флорентийские вдовы, не имевшие близких родственников — мундоальдов. Даже вдова Данте Алигьери, принадлежавшая к тем кругам, для которых римское право было высшим авторитетом, была вынуждена, выступая в суде, назвать своего мундоальда. В некоторых других вопросах (международное право, вассальные обязательства, формы поземельной зависимости) высшим и наи-

более общим законодательством являлось имперское феодальное право. Оформленное во второй половине XII в. в «*Libri feodorum*» и более известное в позднейших редакциях Якопо Ардизоппе и Аккурсия, оно состояло из постановлений имперских курий и съездов, конституций императоров, посвященных отношениям с городскими коммунами и церковью и трактующих вопросы наследования феодалов, и двух писем миланского юриста Оберто на эту же тему.

Однако главной составной частью общего права всех областей Италии были римское и каноническое право, органически объединенные в *utrumque jus* — основу средневековой юридической догмы. Именно *Corpus juris civilis* и *Corpus juris canonici* являлись вершиной юридической мысли, верховным и универсальным авторитетом в спорных и невероятно запутанных случаях судебной практики средневековья.

Римское право издавна считалось основным видом законодательства; еще в законах лангобардских королей о нем было сказано — *lex omnium generalis*, к чему Оттон I добавил: *sive sint langobardi sive sint romani*. И именно благодаря юридической практике германских императоров, считавших себя наследниками императоров римских, римское право сохраняется и действует в эти тяжелейшие для любой (в том числе и юридической) образованности времена.⁸ В XI в. наступает расцвет его: Ириерий и его ученики — глоссаторы, а позже и комментаторы изучают, трактуют и развивают, применяя к условиям современной им жизни, положения законодательства, исходящего из принципа наиболее полного торжества частной собственности. Столь широкое распространение рецептированного римского права объясняется универсальностью этого принципа, его применимостью в условиях любой антагонистической формации, его соответствием интересам разнообразных прослоек феодального общества — как земельного дворянства, так особенно средневекового бюргерства и зарождавшейся буржуазии.

Другим источником и основой частью общего права было церковное, каноническое право. В состав его входят Декрет магистра Грациана (1139—1142 г.), Декреталии Григория IX (1234 г.), Бонифация VIII (1298 г.), Клементя V (1317 г.). Все этому комплексу компиляций папских булл, решений церковных соборов и переложений трудов отцов церкви Базельский собор присвоил громкое имя *Corpus juris canonici*. Этот кодекс составил

⁸ Само законодательство германских императоров (имперское право) формально существовало в качестве приложения к Новеллам Юстиниана и в виде вставок в их текст. Именно здесь находились Ронкальские постановления, Золотая Булла Карла IV, текст условий Вормского konkordата и Констанцкого мира, конституции о феодах и привилегии Болонского университета, а также многие другие основные документы средневековой истории.

ядро «Священного предания» — главного идеологического оружия католической церкви; вместе с тем его юридические и моральные нормы были обязательны не только для служителей церкви, но и для всех католиков, являясь содержанием распространённого во всех областях общего права.

Наряду с общим для всех жителей полуострова правом (*jus commune*) в каждом из итальянских средневековых государств существовало местное законодательство (*jus proprium*). Во владениях Савойского дома оно состояло из статутов Пьетро II (1266—1269 гг.), Амедео VI (1379 г.) и Амедео VIII (1423—1430 гг.). Главным источником правовых норм Фриуля являлись *Constitutiones Patriae Fori Julii* (60-е годы XIV в.). Города и земли, входившие в состав Папского государства, до середины XIV в. (исключая время понтификата Иннокентия III) обладали относительно широкой юридической автономией, пока в 1357 г. не были припаяты *Constitutiones Aegidianae*, творение кардинала Эгидия Альборноса. В Сицилийском королевстве каждая из правивших династий (норманцы, Штауфены, Анжуйская и арагонцы) вводила собственное законодательство, однако при всех сменах всегда оставались в силе Мельфийские конституции Фридриха II (1231 г.). В подавляющем же большинстве итальянских государств (городах-коммунах) главным, а на первых порах и единственным видом законодательства были городские статуты. Более того, в течение всего развитого средневековья, а местами и до XVIII в. именно городские статуты представляли собой ту организационную форму, через которую шло развитие итальянского права.

Первоначальную их основу составляли записи местных «обычаев» (*Consuetudines*), получившие широкое развитие в конце XI и в XII в. Среди них наиболее ранние — *Consuetudines Genue* (1056 г.), Пизы (1156 г.), Александрии (1179 г.) и *Liber consuetudinum civitatis Mediolani* (1216 г.) — главный из сборников этого типа. Их развитие подготовило и облегчило возникновение статутов. В южной Италии, где основной массе городов не удалось завоевать политической свободы и права издания статутов, *Consuetudines* долго лежали в основе городского права, являясь основным видом городского законодательства (Барри, Неаполь, Амальфи, Гаэта, Мессина и другие сицилийские города).

Одной из первых форм городских статутов явились «бреве» (*breve*) — краткие заявления вступающего на пост должностного лица, провозглашающие главные принципы его правления. Как правило, они записывались без всякой системы и носили очень общий характер. Они возникают уже в XII в. (бреве консулов Пистойи 1147 г., Пизы 1162 и 1164 гг.) и вначале являются лишь присягой вступающего в должность консула (сненские бреве 1180 г.). Впоследствии их назначение расширяется, распространяясь на всех городских чиновников, и они постепенно принимают характер общегородского законодательства. Наиболее ярко

это видно в генуэзских *Juramentum contragnatum* 1161 г.; в Генуе союзы (*contragnia*) горожан, возникшие около 1100 г., впоследствии фактически превратились в городское правительство, и консулы союзов стали консулами города; так «бреве» становится городским законом.

Таковы два главных источника (*Consuetudines* и *breve*), на основе которых в XIII в. окончательно оформляется городское (статутное) право. Однако статуты еще долго носят на себе печать своего происхождения, и нередко в статутах итальянских городов (Верона, Падуя, Виченца и др.) в основном тексте сохраняются первоначальные присяги — бреве консулов и подеста, а в крупных и наиболее развитых коммунах средней и северной Италии (Павия, Милан, Венеция и др.) наряду со статутами продолжают существовать древние *Consuetudines*.

Большая часть статутов написана на довольно правильном латинском языке, лишь в городах Тосканы около 1300 г. возникают статуты, записанные вульгарной латынью, близкой к формирующемуся итальянскому языку; некоторые из них (например, сиенский) представляют собой ценные лингвистические памятники. Текст статутов чаще всего распределен на 4 или 5 книг: первая, как правило, посвящена городскому устройству и функциям должностных лиц города, вторая — уголовному законодательству, третья — гражданскому, четвертая — вопросам торговли, городских финансов и налогообложения, в пятой книге устанавливаются правила для зависимых территорий и приводятся новые, дополнительные законы. Подобное расположение материала характерно для большинства городских статутов Тосканы и Ломбардии. Статуты других областей Италии отличаются по своей структуре. Так, многие статуты Папской области состоят из 3 книг, причем последняя, по примеру Кодекса Юстиниана, посвящена уголовным делам; статуты Александрии состояли из 9 книг, Феррары — 12, Бергамо — 15, Асти — 20.

Хотя статуты по своей структуре были в массе оригинальны и отличались большой самостоятельностью, однако можно обнаружить известное сходство статутов мелких городков с законодательством близлежащих крупных коммун: статуты Монцы явно копируют Миланские, Ниццы — Генуэзские, Трептино — Вероны и Виченцы. Все же в целом содержание и форма законодательства итальянских городов определялись не этим влиянием, а потребностями внутренней жизни каждого города.

Одним из наиболее сложных и важных вопросов юридической практики средневековья была проблема взаимоотношений местного (статутного) и общего права. Сами статуты отвечают на этот вопрос неопределенно, но можно выделить главные принципы их подхода: местное право является исходным пунктом судопроизводства, и лишь в случаях его неприменимости или неполноты следует апелляция к высшим формам права — каноническому и римскому. Таковы установления статутов Комо,

которые предписывают правила судопроизводства *secundum statuto civitatis Cumarum*, а в случае их умолчания (*deficientibus statutis*) — *secundum usum et bonos mores eiusdem civitatis approbatos*, и только в последнюю очередь и снова же лишь в случае отсутствия должного прецедента — к нормам общего права (*secundum leges et iura*). Несколько подробнее трактуют эту проблему статуты Форли: владельцы земель в округе должны соблюдать в первую очередь *statuta castrorum et locarum*, затем — *statuta civitatis* (т. е. Форли) и лишь *ubi statuta non disponderent* — *Constitutiones Aegidianaes et Constitutiones juris communis*. Эти же нормы соблюдались и в Савойе; и там статуты Амедео VIII предлагали предварительное судопроизводство по законам местных органов. Итак, общий (если и не наиболее распространенный, то по тенденции) принцип соотношения различных форм законодательства был таков — от разных форм местного законодательства к высшим нормам общего права. Общая картина судебной практики в развернутом виде чаще всего могла выглядеть в такой форме: статуты сельских коммун и их федераций — постановления соседнего мелкого городка и присылаемого сверху подеста или другого чиновника — статуты городской коммуны — законодательство вышестоящего сеньора — нормы общего права. Естественно, что такая сложная иерархическая структура существовала далеко не во всех районах. В Венеции, например, вообще отсутствовала апелляция к общему праву; там доминировал принцип *legge — consuetudines — l'analogia — il buon arbitrio del giudice*. Однако этот пример еще больше подтверждает общую тенденцию судопроизводства (предпочтение норм местного права) и подчеркивает ту ведущую роль, которую играли статуты (в первую очередь городские статуты) в правовой жизни итальянского средневековья.

Одновременное сосуществование столь различных форм судопроизводства было обусловлено сложностью социально-экономической и политической обстановки в Италии XII—XIV вв. Значительное влияние в политической жизни страны феодальной знати, церкви и патрицианской верхушки города, их взаимная борьба, приводящая в различных областях к различным результатам, являлись основой столь пестрой правовой картины. В этих условиях по мере усиления городского патрициата и торгово-ремесленных кругов горожан, встающих у власти в зарождающихся городских коммунах, расцветает новый вид права, отвечающий интересам этих социальных сил, — городское статутное право.

Городские статуты были наиболее удобной формой законодательства для правящих кругов города. Как исходный принцип судопроизводства они обладали приоритетом перед установлениями общего права. Само содержание статутов также зависело от городских условий, т. е. в конечном итоге определялось конкретной позицией законодателя, а не какими-то общечеловеческими нормами. И даже противоречивость и многообразие их оформления

тоже были на руку господствующей верхушке, так как создавали широкие возможности для различного толкования текста. Сошлемся лишь на один пример, неоднократно используемый известным комментатором XIV в. Бальдо Убальди: если мероприятия, проводимые гвельфами или гибеллинами, имеют главной и исключительной целью истребление своих противников и узурпацию их имущества, то такие законы нечестны и недействительны. Если же этой цели они не преследуют, а ставят задачей лишь наказать изгнанием противника и конфисковать его имущество в качестве заслуженной кары, то они справедливы. Кто же дает оценку истинности этого законодательства? И Бальди, и Бартоло Сассоферрато, наиболее крупный юрист той эпохи, единодушно в ответе: «*Dicit aliquis quod totus populus facit hoc, respondeo — populus ducitur a conspiratoribus et soepe fallit*».⁹

Статутное право утверждается в ожесточенной борьбе верхушки горожан с другими слоями, претендующими на власть в городе, а затем и в округе. Достаточно напомнить постоянную враждебность статутов по отношению к крупным феодалам ди-стретто. Во Флоренции, как известно, магнаты под страхом смертной казни могли выставить обвинение против горожанина только со специального согласия городских приоров. Во многих городах Тосканы и Ломбардии в статутах перечисляются десятки феодальных родов, члены которых в случае малейшего нарушения установленных правил объявлялись вне закона. Борьба с церковью — папством и местным клиром — тоже являлась одной из основных задач городского законодательства. Статуты большинства итальянских городов провозглашают запрещение роста церковных и монастырских земель, принцип обложения городскими повинностями и подвластности общему законодательству людей и имущества церкви и т. д. Часто эта борьба принимает певиданно ожесточенные формы. Один из наиболее известных примеров — конфликт 1376 г. между Флоренцией и папой Григорием XI: собирая 130 000 флоринтов для откупа от банд кондотьера Джованни Акучо, флорентинцы наложили огромные повинности на церковные земли, что привело к интердикту папы, снятому лишь в 1378 г. его преемником Урбаном VI. Многие коммуны в этой борьбе не останавливались перед самыми крайними мерами: например, падуапское законодательство XIII в., разрешающее безнаказанное убийство клирика.

Вместе с тем, возникая в ожесточенной борьбе с другими видами права, городские статуты испытывали на себе их явное влияние, заимствуя их основные юридические принципы.

Значительное распространение и большой вес в законодательной практике городских коммун имели нормы обычного права. Во многих областях средневековой Италии (Велето, Фруль, юж-

⁹ См.: V. E. Orlando. La legislazione statutaria e i giuresconsulti del secolo XIV. Palermo, 1884, p. 38.

ные области) обычное право (*Consuetudines*) являлось главным принципом судопроизводства, а свидетельство соседей (*boni homines*) — основным критерием для вынесения приговора.

В статутном праве коммун нашло яркое отражение и основное положение феодальной юриспруденции — разная степень ответственности лиц различных категорий. За одни и те же проступки одни могли подвергаться смертной казни, другие — унижительным наказаниям, третьи — простым штрафам. Величина штрафа также варьировалась в зависимости от места совершения преступления (в городе или его окрестностях, в коммунальном палатце или частном доме и т. п.) и социального положения данного лица.

Не меньшую роль в законодательстве городских коммун сыграло рецептированное римское право. Приближенный (по сравнению с лангобардским временем) юридический статус женщины, детальное регулирование торгово-ростовщических сделок и долговых обязательств, решающая роль письменного договора, значение специальных юридически подготовленных лиц (*virogum sapientium*), являющихся главным авторитетом при решении всех дел, — таков краткий перечень некоторых направлений влияния римского права. Основной путь проникновения этого влияния — деятельность воспитанных на нормах римского права юристов, нередко выступавших в роли составителей городских статутов: Якопо Бальдини в Генуе, Томазо Губбио, Лаппо да Прато, Паоло Кастро и другие во Флоренции.

Взаимодействие различных форм права имело в статутах в зависимости от конкретных условий различные проявления. В некоторых вопросах оно принимало характер последовательной смены норм одного права нормами другого. С этой точки зрения интересно проследить становление основных принципов коммунальной собственности на землю. В период возникновения городских коммун использование земель городского домена шло в основном по нормам обычного и феодального права (коллективное владение и пользование лесами, лугами и пастбищами, держание земли на правах феода и т. д.), исходя из концепта корпоративной собственности горожан, входящих в данную коммуну. В дальнейшем принцип права на эти земли меняется; к ним подходят с точки зрения их принадлежности городской коммуне как некоему самостоятельному организму, отдельному от составляющих коммуну горожан. Коммунальные земли отдаются в аренду на условиях, близких к полному владению; на них бытуют правила и нормы, характерные вообще для арендных держаний.

В других случаях нормы различного права сосуществовали в статутах одновременно, как например в наследственном праве, которое объединяло в себе самые разные, нередко противоречивые принципы законодательства. Наличие многочисленных ограничений в праве наследования для женщины, выходящей замуж и выезжающей за пределы города; преимущественные права пер-

ворожденного; существование части приданого, приносимого мужем жене в качестве свадебного дара (лангобардский «моргенкап»), и многие другие моменты позволяют говорить о значительной роли элементов «варварского» (лангобардского) и феодального права. В то же время, что характерно каноническому и римскому праву, на первое место выступает завещание, хотя пока еще и не нарушающее принятого порядка наследования; однако завещатель уже может по своему усмотрению распоряжаться частью наследства: возвращение долгов, оплата месс и заупокойных служб, обеспечение близких лиц, помимо прямых наследников, и т. п. Наследственное право городских статутах принимает форму синтеза различных норм права, дающего собственнику довольно широкие права распоряжения своим имуществом в условиях господства сословной и иерархической собственности.

Взаимодействие различных форм права иногда приводило к возникновению новых норм юридического подхода, новых принципов права. Особенно ярко этот процесс наблюдался в сфере отношений земельной собственности.

В условиях феодального общества господствует принцип разделения прав на землю между земельным собственником — феодалом и держателем — крестьянином, являющимся ее фактическим, хотя и условным владельцем. В средневековой Италии в работах рецепторов римского права — глоссаторов и постглоссаторов, комментаторов — это разделение было введено в рамки категорий естественного и гражданского права путем ввода понятий верховной собственности (*dominium eminente, causale, directum*) и фактического владения (*dominium utile, dominium formale*). Однако юридическая природа земельной собственности по статутам носит несколько иной характер.

В городских статутах XIII—XIV вв. мы не находим никаких специальных доктрин права собственности на землю, но конкретные данные позволяют считать, что городские законодатели исходили из своего собственного, особого понимания концепта земельной собственности, обусловленного спецификой существовавших отношений.

В большинстве городских статутах XIII—XV вв. вырисовывается тенденция к ликвидации юридической противоположности между верховным собственником земли (*dominium directum*) и ее держателем (*dominium utile*). В основе этого процесса лежит вначале борьба городских коммун со своими сеньорами — епископами, затем — с крупнейшими феодалами округа. В первую очередь эта борьба коснулась феодалов — как наиболее яркой формы держания, сопровождаемой личными обязательствами. Уже в конце XII в. статуты Тревизо устанавливают, что покупатель может добавить к цене феодала еще $\frac{1}{6}$ часть и стать его полным владельцем (... sic feudum fierit emptoris allodium).¹⁰ В Модене в начале XIII в. это

¹⁰ См.: G. Cherubini. Qualche considerazione sulle campagne

правило приобретает еще более общий характер: здесь любой держатель церковной земли может выкупить свои права па нсе из расчета 5 солидов за один денарий ежегодного чипша, и, таким образом, «liberentur omnino et in allodium convertantur». Однако борьба не ограничивается феодами. Епископ Массы Мариттима (Тосканская Маремма) уже не продает, а просто отказывается в пользу горожан от всех прав на земли: «jure feudi sive jure emphiteoteco sive libellario sive quocumque alio titulo in districto civitatis». Подобным же образом статуты Реджо Эмилии середины XIII в. устанавливают, что все жители этой территории «sint absoluti ad omni vinculo fidelitatis et investiture et omnes possessiones sint libere et absolute, et remaneant eis possessoribus».¹¹

Процесс концентрации прав верховной собственности и владения в одних руках (руках горожан) — явление, широко известное в историографии. Однако формы этого процесса и его конечный результат были далеко не однозначны, а отличались чрезвычайным своеобразием, обусловленным сложностью конкретной действительности. Нередко покупка или другой вид приобретения феода приводила к освобождению держателя только от личных обязанностей. В других случаях покупатель становился полным владельцем всех прежних прав как па землю, так и на ее субдержателей. Чаще же всего, особенно в наиболее развитых областях страны, верховный собственник сохранял свои права на землю, получая от держателя определенный капоп, иногда символический, но нередко и реальный, представляющий собой форму капитализированной земельной ренты.¹² Во всей этой пестроте различных, временами противоречивых методов решения проблемы ясно вырисовывается один, общий для всех законодателей всех областей принцип — разница в подходе к держателям различного социального статуса — горожанам и крестьянам. Уже в приведенных примерах можно зафиксировать эту тенденцию: епископ Массы Мариттима исключает из числа освобождаемых тех держателей земли «que ea habent ad manus suas». Особенно заметно это стремление ограничить права крестьян в тех случаях, когда верховным земельным собственником вместо феодала становится сама городская коммуна; тогда, как правило, смена собственника приводила лишь к смене характера личных связей; поземельные же права и обязанности держателей оставались неизменными. «Процесс формирования свободной собственности и перераспределения верховных прав на землю не всегда протекал в пользу утилиста, особенно когда этим последним выступал проправах вечно наследственного фикта свои земли купцам, с которой крестьянин. Когда монастыри Северной Италии уступают на

dell'Italia centro-settentrionale tra XI e il XV secolo. Rivista Storica Italiana, fasc. 1, 1967, p. 221.

¹¹ Там же, стр. 221—222.

¹² Там же, стр. 224.

рыми они, возможно, связаны долговыми обязательствами, несомненно, здесь идет речь о росте светской собственности за счет церковной. Труднее определить, что происходит (так как этот вопрос исследован явно недостаточно) в том случае, когда этим держателем выступает обыкновенный крестьянин. Но в то же время очевидна тенденция, заключающаяся в том, что ломбардские и тосканские церковные собственники стремятся превратить эти вечно наследственные земельные держания в держания, основанные на простом срочном фикте, и получить широкие возможности изменения его условий. Это означает крах прав крестьянина на землю, наличие у него не более чем части владельческих возможностей, никогда не приближавшихся к правам собственности.¹³

Особенно ярко это различие подхода к держателю-собственнику и держателю-крестьянину видно в том случае, когда держателем выступает либеллярый. Формально-юридически либеллярый, к какой бы социальной группе он ни принадлежал, был таким же обладателем «*dominium utile*», как и другие лица. Но на практике реальное содержание либеллярного договора резко различалось в зависимости от положения либеллярия. С одной стороны, если либеллярием являлся горожанин, либеллярный договор мог служить средством захвата этой земли данным горожанином у какого-либо светского или церковного феодального собственника. Тот же либеллярый-горожанин сам мог отдавать эту землю в держание и обработку другим либелляриям — лицам крестьянского типа. В подобных условиях в статутах явно видна тенденция к разграничению этих двух категорий населения, к дифференциации правоспособности одного и другого вида либелляриев. В целом либеллярное держание как юридическая форма приближается к понятию собственности. Либеллярию принадлежит право распоряжения участком (его перепродажа, отдача в держание другому и др.), он обладает относительной свободой в ведении своего хозяйства и т. д. Права верховного собственника либеллярного участка не рассматриваются как безусловная собственность, они ограничиваются главным образом правом получения канона (чинша) и утверждения перехода земли из одних рук в другие. Но в то же время статуты выделяют из среды либелляриев ту их часть, которая непосредственно обрабатывает арендованные земли (*libellarius qui laborat terram alienam*). Эта категория крестьян-либелляриев сближается с другими прослойками крестьянства, сидящими на чужих падежах, теряя юридическую специфику своего положения арендаторов, чьи права на землю можно было бы назвать близкими к праву собственности.¹⁴ И в глазах городского законодательства эти либеллярии (*qui laborant terram alienam*) сливаются в единую массу

¹³ Там же, стр. 226.

¹⁴ Подробнее см.: Л. А. Котельникова. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. М., 1967; В. В. Самаркин. Эволюция либеллярного держания в Северо-Восточной Италии XII—XIV вв. Вести. МГУ, сер. IX, история, 1964, № 3.

с держателями земель на других условиях, выступая в статутах под общим именем *laboratores, locatores, rustici, parciarii* и т. д. По отношению к этим держателям-либеллярным городское законодательство занимает совершенно иную позицию, всячески ограничивая их права на распоряжение паделом, свободу ведения хозяйства и даже устанавливая определенные рамки их личной свободе. На практике положение этой прослойки либеллярнев приближалось к положению бесправного арендатора, держателя чиншевика или издольщика. Более того, очевидно, именно в это время происходит смена содержания термина «крестьянин» (*contadino*): вместо широкого понятия «деревенский житель» (*abitante del contado*) он приобретает более узкий, но более яркий оттенок — «деревенский работник» (*lavoratore della terra*).¹⁵

Эти тенденции в законодательстве по отношению к земельной собственности присущи большинству городских статутов северной и средней Италии. В некоторых же областях можно также и хронологически установить преобладание той или иной тенденции. Так, по статутам городов северо-восточной Италии (Виченца, Падую, Бассано, Тревизо) можно определить, что в XIII в., когда в этих областях идет острая борьба за установление господства города над округой, в городском законодательстве превалирует стремление превратить либеллярня в фактического собственника держания; позже, с XIV в., когда преобладающее большинство земель дистрикто переходит в руки горожан и борьба с феодалами приводит к их переселению в город и постепенному превращению в городских патрициев — земельных собственников, в законодательстве коммун на первое место выступает стремление всячески ограничить правомочность держателя — либеллярня, издольщика, краткосрочного арендатора и т. д. В других областях Италии такую хронологическую грань провести не всегда возможно, однако наличие и одновременное существование этих противоречивых тенденций очевидно.

Такова общая характеристика аграрного законодательства городских статутов. Главное, что отличает статутное право в этом вопросе, — это многоплановость, широта и в то же время явная целеустремленность в юридической трактовке этих важнейших для города сфер жизни. В подходе к аграрным проблемам на первое место выступает интерес самого законодателя — земельного собственника, который и вызывает к жизни эту своеобразную форму права — форму, которая, несмотря на свою неопределенность (а скорее именно благодаря ей), наилучшим образом отвечает потребностям законодателя. И, вероятно, именно поэтому статутное право, испытавшее влияние разных других видов современного ему права, в аграрной части оказалось наиболее устойчивым и неподдающимся этому влиянию. В этом плане показана

¹⁵ См.: G. Cherubini. Qualche considerazione sulle campagne dell'Italia, p. 127.

тельно мнение современного исследователя средневекового права Болоньи: «Возможно ли в городе, всками носившем имя *Mater legum*, проследить влияние римского права, исповедуемого его учеными, на его городское законодательство по вопросам аграрных контрактов (в частности, *эмфитевзиса*)? Ответ может быть только отрицательным».¹⁶

Итак, широта, многоплановость и одновременно направленность в решении определенных проблем делают статутное право универсальным и потому столь распространенным видом законодательства. Действительно, комбинируя в различных соотношениях нормы иного права, создавая свои собственные принципы подхода, допуская свободу и произвол в трактовке имеющихся законов, по-разному подходя к решению одних и тех же проблем, статутное право проявляло такую гибкость и приспособленность к существующим условиям, какие были невозможны для других видов средневекового права. Несомненно, что эта гибкость и многоплановость в подходе к конкретной действительности создавали самые широкие возможности разнообразного применения городских статутов в условиях острой политической борьбы, сложной социальной структуры и изменчивых экономических отношений эпохи. И именно в этом была наиболее сильная сторона данного типа законодательства, делавшего его чрезвычайно удобным юридическим инструментом в руках правящей верхушки городской коммуны.

Другой отличительной чертой городского права было его непостоянство. Никакое другое государственное законодательство средних веков не было столь мобильным. В Вольтерре на протяжении 34 лет сменилось пять кодексов городских статутов. Падуанские статуты только в XIII в. менялись восемь раз. Флоренция меньше чем за сто лет (1213—1307 гг.) семнадцать раз изменила свое законодательство. Часто вновь принятые статуты уже спустя несколько дней уточнялись, видоизменялись или вообще отменялись и заменялись новыми. Повсюду в ходу были поговорки типа *Legge vicentina* (также *piacentina* и др.) *dura da sera a mattina*; *legge di Verona dura da terza a nona*; *legge fiorentina, fatta la sera, è guasta a mattina* и т. п. Столь легкие изменения законов служили предметом горьких пасмешек и самих итальянцев.

Таким образом, городские статуты — вид законодательства, возникший главным образом в интересах правящей городской верхушки и отражающий в первую очередь ее политику и цели. Эта специфическая социальная направленность статутов является тем основным моментом, который должен учитываться при их применении в качестве источника. Городские статуты

¹⁶ G. B. Pascucci. *Contratti agrari nel diritto statutario bolognese del sec. XIII*. Bologna, 1960, p. 49.

не могут быть объективным и главным критерием социально-экономической жизни как города, так и округа, и их данные обязательно должны сравниваться и проверяться показаниями других, более объективных источников.

Исключительной ценностью сведения городских статуты обладают главным образом в вопросе определения политики правящей городской верхушки в различных сферах экономической, социальной и политической жизни. Однако и здесь значение данного источника следует ограничить. Характеризуя, например, основные направления политики городской коммуны, мы уже не можем на основании статуты судить о результатах и последствиях этой политики. В качестве примера возьмем широко известную «хозяйственную регламентацию» городских коммун по отношению к земледелию. Эта поощрительная «протекционистская» политика города, устанавливающая сроки и качество сельскохозяйственных работ, соотношение площадей различных культур и т. д., могла приводить (и нередко приводила) к губительным результатам, являясь, по меткому определению одного из крупнейших итальянских исследователей — Д. Люццатто, — «протекционизмом наизнанку» (*protezionismo a rovescio*).

Своеобразие составления и издания известных нам городских статуты выдвигает еще одно требование к их использованию. Имеющиеся в распоряжении исследователя публикации, как правило, представляют собой наслоение разных этапов и эпох городского законодательства, но не дают возможности выяснить процесс его эволюции во всей его последовательности. Постановка же этой проблемы требует специального исследования, результаты которого решающим (а иногда и неожиданным) образом могут сказаться на наших предварительных представлениях. Поэтому без такого специального источниковедческого анализа каждого статута, на наш взгляд, использование его является неправомерным и неточным.

Все приведенные соображения не отрицают важности городских статуты как источника по социально-экономической и политической истории Италии коммунального периода; их ценность несомненна. Вместе с тем они до известной степени объясняют закономерность изменения источниковедческой базы современных исторических исследований.